



## КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ

**И. И. ТИХОМИРОВА,**  
преподаватель Санкт-Петербургского  
государственного университета культуры и искусств

*Ирина Ивановна Тихомирова, один из наших самых любимых и постоянных авторов, ныне готовит к публикации книгу с рабочим названием «Школа чтения». Вот что пишет Ирина Ивановна, предлагая нижеприведенную статью:*  
**«Уважаемая редакция! По ходу составления хрестоматии «Школа чтения» у меня родилась статья, которую и посылаю вам. Я думаю, она заинтересует библиотекарей. Могут возразить: это все в прошлом. Но это прошлое сидит в наших генах и если «подтолкнуть» его, оно может стать настоящим и будущим. А вместе с ним возродится и духовность нации».**

С уважением — И. Тихомирова.

## Культура чтения в контексте российских традиций

*«Каждый культурный подъем связан с обращением к прошлому».*

Д. ЛИХАЧЕВ.

**В**ышедшей в 2005 году книге «История чтения в Казахстане» ее автор В.О.Скитневский попытался выявить национально-особенное во взаимоотношениях казахского читателя с книгой.

Под словом «взаимоотношение» он подразумевает сам процесс чтения, его этническое своеобразие, культурные традиции, основанные у казахского народа больше на устной вербализации (слушании), чем на письменной (чтении). В качестве образца социального генотипа чтения автор приводит читательский опыт Абая Кунанбаева — известного казахского поэта и мыслителя. Чтение Абая дало возможность автору выявить специфические черты чтения как феномена национальной культуры. Своей книгой В.О.Скитневский убедил читателя, что при всем общечеловеческом характере чтения как психологического процесса, связанного с восприятием слова, чтение имеет этническую окраску. «Историю чтения конкретного этноса, — говорит



он, — можно рассматривать как историю накопления и функционирования в человеческой памяти опыта поколений, национальных культурных ценностей».

В анализе собираемых мной читательских автобиографий знаменитых личностей России 19-20 вв. я использовала идею Скитневского и подошла к материалу с позиции национальных традиций, исконно присущих российскому читателю. Я попыталась уловить в читательском опыте соотечественников те общие черты, которые придают чтению самобытный национальный характер и которые в значительной мере дополняют качественные характеристики чтения, предусмотренные в международном тестировании PISA и ориентированные на обеспечение функциональной грамотности выпускников школ. (Об этом я писала в статье «Культура чтения: от навыка к творчеству». См. ШБ, 2005, № 7) **Но функциональной грамотностью, при всей ее практической значимости, российский читатель**



никогда не ограничивался. Прагматический характер чтения всегда был чужд русской культуре.

**Еще Ушинский говорил, что грамотность тогда только является приобретением для человека, когда укрепляет в нем нравственный элемент, повышает его культуру.**

Чтение как явление культуры более всего связано с художественной литературой. **Русская художественная литература с ее лирическим характером ориентировала читателя на духовные ценности, чем и заслужила всемирную славу, пробуждая в душах людей такие качества, которые выходят за рамки общепринятых нынче информационных характеристик чтения.**

**Изучение читательских автобиографий наших соотечественников показало, что люди, живущие в разное время, в разных пространствах России, независимо друг от друга проявили одинаковые черты восприятия художественной литературы.** При всей индивидуализации читательских автобиографий и частный характер восприятия они сливаются в единый исповедальный текст, в котором трудно отделить опыт одного от опыта другого. Это сходство и есть, очевидно, то национально-особенное, что отличает российского читателя от всякого другого и выходит за рамки функциональной грамотности. Общие культурные традиции и менталитет нации наложили свой отпечаток на взаимоотношение с книгой.

**Если говорить в самом общем виде, то черты чтения российских читателей во многом совпадают с чертами самой русской литературы, с ее «сверхлитературным» характером, который поэт Евтушенко выразил словами: «Поэт в России больше чем поэт». В той мере, в какой литература в России больше, чем литература, в той мере и чтение в ней больше, чем общепринятое чтение.**

**Так же, как в литературе, Россия в чтении нашла свое самое полное и глубокое выражение.**

Чтение оказалось главным способом существования русской души, сосредоточием культуры, способом возвышения нации над прагматичностью и повседневностью быта. Оно не только информирует читателя о фактах действительности, опосредованно обогащает его жизненный опыт, образовывает, но и открывает в нем самом такие стороны внутренней жизни, о которых он часто и не догадывается.

Выступая на конгрессе «Русская словесность в мировом культурном контексте» (декабрь 2004), президент фонда Достоевского И. Волгин процитировал слова французского исследователя русской классики Мельхиор де Вогие: «Мы прочитаем, например, «Отцов и детей» или «Дворянское гнездо» и скажем «роман как роман», а для русского человека — это отдел из национального Пятикнижия».

Иными словами, для русского человека искусство слова, как и искусство в целом — это своего рода Библия, его национальный архетип, личный способ бытия. Эту мысль Иосиф Бродский подчеркнул в своей Нобелевской лекции, прочитанной в 1987 году. По его мнению, не человек диктует, какой быть литературе, а литература диктует, каким быть человеку. Еще ранее об этом же говорил Л. Толстой. Он приписывал искусству, литературе животворную функцию. По его мнению, совокупная жизнь людей, обычаи: так-то обращаться с родителями, с

детьми, с женами, с родными, с чужими, с иноземцами, так-то относиться к старшим, к высшим, так-то к страдающим, так-то к врагам, к животным — все, что соблюдается поколениями миллионов людей без малейшего насилия, но так, что этого нельзя поколебать — все это — порождение искусства, литературы. Аналогичную мысль кратко выразил Рубакин: **«Книги через читателя формируют самую жизнь».**

Особенно большое значение для россиянина чтение имеет в детстве и юности. «Я думаю, это происходит оттого, — писал Маршак, осмысляя этот феномен, — что ребенок отдается всем своим впечатлениям и переживаниям непосредственно, без оглядки, то есть без этой сложной системы зеркал, которая возникает в его сознании в более позднем возрасте».

Неслучайно общение с книгой в детстве является непременным атрибутом автобиографий большинства людей, ставших впоследствии известными личностями России, ее гордостью. Именно книгам, прочитанным в детстве и юности, они обязаны своим духовным становлением, самосознанием и стремлением принести пользу своему Отечеству. «Сдается мне, — писал Владимир Набоков, — что в смысле этого раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной». Нет почти ни одной автобиографии, где не запечатлены книги, прочитанные до наступления совершеннолетия. Самим перечислением прочитанных книг и их восприятием в

**«Грамотность тогда только является приобретением для человека, когда укрепляет в нем нравственный элемент, повышает его культуру».**  
К. Ушинский



ранние годы авторы показывают, как шло формирование их мировоззрения, на какой почве взращивалась их душа, какая литература окрыляла их сердце и ум.

Отдавая дань зарубежной литературе, сердце детей интуитивно тянулось к родной: **«Хорошо было читать русские книги, — писал Горький, — в них чувствовалось нечто знакомое и печальное, как будто среди страниц скрыто замер великолепный звон — едва откроешь книгу, он уже звучит тихонько»**. Заметил разницу восприятия переводной и русской литературы Маршак. Стоит привести здесь его наблюдение: «Наиболее острые, загадочные, запутанные сюжеты я находил в переводных романах. Одолев такой роман, я мог пересказывать довольно подробно его содержание, но в памяти моей редко удерживались строчки подлинного текста, реплики действующих лиц. А из Пушкина, Гоголя, Лермонтова, из «Кавказского пленника» Льва Толстого запомнились не только отдельные строчки, но иной раз целые страницы».

Надо отметить, что и сам жанр воспоминаний детства, как ключа к постижению взрослости, — явление преимущественно российской культуры. Еще Чехов в рассказе «Степь» высказал мысль об особой любви русского человека к воспоминаниям. Мариэтта Шагинян в книге «Человек и время» противопоставила эту нашу черту западной, полагая, что «Запад отрекся от начала своего и не захотел знать преемственности и великой силы жизни, именуемой Временем, — даже в воспоминаниях».

На первом месте в обеспечении влияния искусства слова на русского читателя стоит **эмоциональная заражаемость**. Характерно в этом отношении уже название первого российского журнала для детей Николая Новикова «Детское чтение для сердца и разума» (1775), где на первое место поставлено **«сердце»**. **«Пережить творения поэта, — считал один из великих читателей России В.Г.Белинский, — значит переносить, переживать в душе своей все богатство, всю глубину их содержания, переболеть их болезнями, перестрадать их скорбями, переблаженствоваться их радостью, их торжеством, их надеждами»**. Его собственная реакция на литературные произведения — реализация этой мысли. Ему, как читателю, была присуща не только сила чувства, но и их «разгул», богатство оттенков — от смеха и радости до глубокой грусти, жалости, сострадания.

Самым «сердечным» в мире назвал Горький русскую литературу. Этого же качества она ждет

и от читателя, что подтверждается всем опытом чтения российского читателя.

**Вот как сам Горький характеризует свои ощущения от чтения «великанов литературы»: «Когда читаешь их книги, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеешься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса... ты живешь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкиваемого от себя, и все это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь, только понятнее и красивее ее»**.

Неслучайно в предисловии к своей повести «Детство» среди качеств желаемого читателя Л.Толстой на первое место поставил **«чувствительность»**, то есть **«способность пожалеть от души и даже пролить несколько слез о вымышленном лице, которого вы полюбили, и от сердца порадоваться за него, и не стыдились бы этого»**. Задеть за сердце читателя и самому писать из сердца всегда было главной задачей

**«Книги через читателя формируют самую жизнь».**  
А. Рубакин

большого русского писателя. И эта задача эхом отзывалась в душах читателей. Достаточно открыть любую из автобиографий известных и не очень известных людей, чтобы убедиться в этом. На будущего писателя Виктора Розова, например, когда он был подростком, произведения Достоевского действовали так ошеломляюще, что он не мог усидеть на месте и прыгал, чтобы успокоиться. Говоря о чувственном характере восприятия литературы, надо отметить, что этот характер распространялся не только на отечественную литературу, но и на зарубежную. Достаточно вспомнить отношение А.И.Герцена к произведениям Шиллера: «Сколько слез лилось из глаз моих на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнул в душе моей!».

Не только положительные герои вызывали сильные впечатления читателей. Иногда и отрицательные удостаивались сердечного сочувствия. Так, Марина Цветаева глубоко сострадала и жалела тех, кто был проклят или нелюбим. Среди них — Наполеон, сосланный на остров святой Елены, бесы, мчащиеся тучами, Гете в Веймаре. В этом случае жалость смешивалась с восторгом. «Страх и жалость (еще гнев, еще тоска, еще защита) были главные страсти моего детства, и там, где им пищи не было, — меня не было», — писала она.

Тесно связана с эмоциональностью наивная **доверчивость** русского читателя к книге. **Толстой вспоминал: «Все самые неестественные лица и события были для меня так же живы, как действительность, я не только не**



**смел заподозрить автора во лжи, но сам автор не существовал для меня, а сами собой являлись передо мной, из печатной книги, живые действительные люди и события. Ежели я нигде не встречал лиц, похожих на те, про которых я читал, то я ни секунды не сомневался в том, что они будут».**

Эту же мысль подтверждает опыт чтения в детстве Мамина-Сибиряка, Набокова, Маршака и других авторов воспоминаний. Иллюзия достоверности всего происходящего в книге создавала ощущение личной причастности читателя к сюжетным коллизиям книги. Ребенок стремился воздействовать на события не только в мыслях, он продолжал книгу в своих играх, рисунках, в поведении, даже во внешнем облике. Он даже наружностью и привычками старался быть похожим на полюбившегося героя. Интересны в этом плане воспоминания Е.Шварца, который создавал театр понравившейся книги, где стремился проиграть, примерить к себе образ того или иного персонажа с соблюдением всех внешних атрибутов.

Доверчивость к тексту читаемой книги во многом определялась отношением к персонажам как к живым людям. Даже в юношеском возрасте Герцен с Огаревым, читая произведения Шиллера, видели в его героях существующие личности. «Мы, — говорит Герцен, — их разбирали, любили и ненавидели не как поэтические произведения, а как живых людей».

Эмоциональность в сочетании с доверчивостью и **соучастием** обуславливали долговечность жизни книги в духовной биографии читателя. Читательские впечатления детства «вжигались» (выражение В.Вересаева) в душу, влияли на характер, на поведение молодого человека. Как писала Мария Тенишева в книге «Впечатления моей жизни»: «Всем, что созрело во мне положительного, я обязана исключительно книге и самой себе». Этот вывод знаком нам и по аналогичному высказыванию Горького: «Всем хорошим во мне я обязан книгам».

Книги, прочитанные в детстве, служили нашим читателям путеводным маяком для остального жизненного пути. Как говорил Гоголь, они входили в «жизненный состав», определяя иногда и судьбу читателя. «Что было бы со мной, каким бы я был, какой бы мне представлялась жизнь, как бы я ее вынес и как бы ее ценил, если бы не было рядом с другими спутниками жизни и этого шута горохового», — так определил художник Бенуа значение в его жизни книги писателя и иллюстратора Буше — «мудрейшего шута, шута,

обладающего изумительным даром в нескольких штрихах создавать разительные образы, врезающиеся в воображение и навсегда там поселившиеся»..

Столь сильное влияние книги в детстве было обусловлено еще и тем, что книга пробуждала **самосознание** читающего подростка. В героях кто-то узнавал свое оскорбленное самолюбие, кто-то свои искания, кто-то свои проступки, одиночество души, обиды и многое другое. А там, где пробуждалась идентификация, там зарождалось и самовоспитание, поиски нравственных ценностей. Показательны в этой связи размышления Мариэтты Шагинян о выработке собственного характера: «Мы ни за что не хотели быть похожими на Рудина, Обломова, Лаврецкого. Печорина мы не уважали. Воспитывать характер хотелось на свой образец. **Характер, который хотелось воспитывать в себе, должен был быть стойким, правдивым, верным данному слову, жертвующим собой для ближнего, идущим**

**на смерть за истину».**

Иногда за образец принимался персонаж далеко не первоклассного произведения, **но высоко нравственный.**

В этом плане интересен пример, который привел писатель **Вересаев**, вспоминая свое детское чтение. Ему попала в руки сказка, написанная в стихотворной форме, автора которой он не запомнил. Речь в нем шла о воробье, который «делал в жизни все, что мог». Она была напечатана в журнале «Семья и школа». Увидев роскошный хвост у павлина и услышав голос соловья, воробей загрустил: не было у него ни красоты, ни голоса. Мать ему в утешение сказала, что **внешние дары — не в нашей власти, но всякий может делать окружающим добро, и его полюбят за это. Так он и делал всю жизнь, а когда умер, то сам соловей произнес речь над его могилой, сказав, что тот был лучше всех, ибо: «Он был добр, он был полезен, делал в жизни все, что мог».** Сколько бы раз юный Вересаев не перечитывал эту сказку, всякий раз слезы лились из его глаз. Он вспоминал об этой сказке всякий раз, когда бывало больно его самолюбию, когда он чувствовал себя серым и никому не интересным, у него вставала мысль: **«Этой возможности, какая была у воробья, никто не сможет отнять у меня».**

Получать **жизненный урок** от литературы, пример нравственных достоинств — тоже наша национальная черта. «Как жить?» — так озагла-

**Книги, прочитанные в детстве, служили нашим читателям путеводным маяком для остального жизненного пути.**



вил Виктор Розов свое предисловие к роману Гончарова «Обыкновенная история», где прямо высказал свою мысль об учительствующей роли книги. «Урок смелости, Урок гордости, Урок верности, Урок судьбы, Урок одиночества» с большой буквы вынесла из чтения Марина Цветаева, взяв за образец собственного поведения — поведение Татьяны Лариной. Вспоминая свое детское чтение, Иван Бунин дивился: «И как уже различала, угадывала моя душа, что хорошо, что дурно, что лучше и что хуже, что нужно и что не нужно ей!» И не только различала и угадывала, но и закрепляла за собой все доброе и отторгала все злое или, как говорил Аксаков, «рождала презрение ко всему низкому и подлому и уважение к честному и высокому».

Способность русского читателя находить в себе сходство с характерами и персонажами, видеть в них живых людей, «прижимать к сердцу чужие печали и радости» (Чуковский), ценить «честное и высокое» породила явление **библиотекарапии**, названное так и обособленное Николаем Александровичем Рубакиным. Благоприятное, успокаивающее, отвлекающее от мрачного состояния влияние книги многие читатели испытали на себе уже в юные годы.

Так, бальзамом на душу Вересаева были произведения **Тургенева**. При нем он забывал все плохое: «Во время неудач, невзгод я прибегаю к нему, и при чтении его душа очищается, тоска пропадает». О терапевтическом влиянии драмы Шиллера «Вильгельм Телль» говорит Бунин. Ему вторит Мария Тенишева, говоря о книге Фомы Кемпийского «О подражании Христу»: «**Она внесла мне в душу примирение, утешила меня, поддержала. Всегда в тяжелые минуты, когда грусть сжимала мое сердце, я находила в ней отраду, опору: я уже не чувствовала себя одинокой**». Образцовый пример терапевтического влияния книги мы нашли в биографии Виктора Розова. Во время Великой Отечественной войны он, раненный в ногу, целый месяц лежал в госпитале в палате смертников и вылез, как он уверен, от чтения Гоголя, томик которого прислонял к груди, опирая его на гипс. «**Я хорошо знал, — пишет он, — настоящая боль — это когда болит душа. Душа у меня не болела, я запоем читал**». Психологически это явление объясняется перенесением жизненного интереса от себя на другого, перестановкой центра личной жизни на личную жизнь персонажа. Объясняется оно и нравственной силой лучших произведений художественной литературы, которая помогает

человеку в тяжелых обстоятельствах. Русская литература в этом плане всегда отличалась тем, что проблемы нравственности ставились писателями своей главной художественной задачей.

С терапевтическим эффектом чтения тесно связано в традициях русской культуры внимание к внутреннему миру литературных героев. Эту черту особо отметил Рубакин. Он считал **понимание человеческой души**, ее переживаний, настроений, стремлений, идеалов главным делом чтения. Отсюда первый вопрос, какой он задавал книге и ее автору, был такой: «**Что даешь ты для понимания человека, человеческой души, всех ее переживаний и в ней самой, и в ее отношениях с другими людьми?**».

**«Что даешь ты [книга] для понимания человека, человеческой души, всех ее переживаний и в ней самой, и в ее отношениях с другими людьми?»**

Конкретизацией этой мысли может служить опыт Короленко, когда он читал «Домби и сын» Диккенса. Внутренний мир Флоренсы и ее угрюмого отца, сложность их взаимоотношений так увлекли юного читателя и так врезались ему в

память, что он написал позже целую

статью о своем чтении Диккенса, обратив особое внимание именно на психологическую сторону романа и его восприятия. Углубленность во внутренний мир персонажей открывала юным читателям сложность окружающих их людей. Непрочно Герцен в «Записках одного молодого человека» цитирует немецкого поэта Гейне: «**Каждый человек — есть вселенная, которая с ним родилась и с ним умирает; под каждым надгробным камнем погребена целая всемирная история**».

Нельзя не коснуться еще одного элемента культуры чтения российских читателей — **философского умонастроения**. Открытие «умственных наслаждений» было характерно уже для подросткового и юношеского чтения. «Как будто на широких, сильных крыльях я поднимался на воздух и уверенно полетел ввысь», — писал Вересаев, вспоминая о характере своего мышления при чтении «умных» книг. Ответ на мучивший его вопрос «Зачем, зачем мне жизнь дана?» он нашел у Писарева, открывшего ему горизонты умственной жизни, указавшего ему путь к счастью, которое не получают от благодетеля, а вырабатывают в себе сами. К философскому умонастроению читателей подталкивала и сама русская художественная литература, о которой философ Асмус сказал: «**Редкая литература в кругу литератур мирового значения представляет пример такой тяги к философскому осознанию жизни, искусства, творческого труда, какой характеризуется именно русская литература**».



Говоря о национальных чертах культуры чтения, нельзя не заметить такого качества восприятия детей, как желание разделить свои читательские впечатления с другим человеком или записать о них в дневнике. С отцом любили разговаривать о чтении Вересаев, Бенуа, Мамин-Сибиряк, с другом делил свои читательские переживания Герцен, дневнику отдавали свои мысли и чувства в связи с прочитанной книгой Тенишева, актриса Выгодская. Читательское творчество перешло у всех этих людей в мемуары, в собственное литературное творчество.

Как известно, литература — искусство **слова**, а чтение — визуальное общение с ним. Первоосновой влияния книги на читателя является язык. Культура чтения и языковая культура нации — неразделимы. Все, что мы говорили о национальной специфике чтения, так или иначе связано с языком. Интересны в этом плане размышления великого русского педагога Ушинского: **«Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова... Раскрывая ребенку богатство родного слова, мы раскрываем ему богатство его собственной души»**. В русском языке Ушинский видел бесконечно льющуюся, волнуемую внутренними вздымающимися ее чувствами и изредка разрывающими громкими всплесками речь. Именно язык, русское слово с его многообразными смысловыми и чувственными оттенками и обуславливает своеобразие нашей национальной литературы и нашего чтения. Через всю жизнь пронес Евгений Шварц свое детское впечатление от слова «приплынь» из сказки об Ивасеньке. Оно поразило его своей ласковостью, добротой и поэтической художественностью. И чем больше мы проникнем в характер национального языка, тем больше мы проникнем в национальный характер культуры чтения. Эту же мысль великолепно выразил Гоголь, говоря о звуках родного слова: «Их только может понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия — родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах».

Качества культуры чтения, отраженные в опыте реального взаимодействия с книгой выдающихся русских читателей, в совокупности можно назвать исповедальными, с ярко выра-

женной рефлексией. Если всмотреться в опыт детского чтения выдающихся отечественных читателей, то мы заметим в них черту, которую хорошо обосновала в своих воспоминаниях Мариетта Шагинян. Рассмотрев чтение с позиции **«получаю — отдаю»**, она сделала вывод, что для российского читателя характерна эта двойственность восприятия. Читая, человек не только получает из книги новые знания и новые образы, он отдает книге свои мысли, свои чувства, свои представления. Этот элемент отдачи чтению себя как субъекта и обуславливает все эле-

менты культуры чтения, о которых говорилось выше. Приоритет субъективного начала в реакции на книгу, как характерная черта русской национальной традиции чтения, не должна быть забыта новым поколением. Она нуждается в поддержке со стороны тех, кто отвечает за состояние чтения в стране, а с ним и за состояние национальной культуры в целом. **Потеря национальных элементов культуры чтения обернется огромной потерей для бу-**

**дущего России. И если мы хотим сохранить отечественную культуру, нам следует чаще оглядываться на наших великих читателей, использовать их читательский опыт как «мерило» для оценки культуры чтения растущего поколения.**

Если перевести это «мерило» в практическое русло общения с юным читателем в библиотеке, то мы должны наряду с вопросами об информации, полученной ребенком из книги и ее использовании, почаще интересоваться чувствами, образами, мыслями, мечтами, ассоциациями, которые вызвала та или иная книга у детей. Этот личностный элемент читательской рефлексии, «отдачи» себя книге и есть, очевидно, тот фундамент духовности, который является нашей родовой целью и зерном национальной самобытности.

PS. Уже закончив статью, я услышала по радио передачу, посвященную Моцарту. Ведущая задала вопрос немецкому музыковеду (фамилию я не расслышала) о восприятии музыки великого композитора его соотечественниками и русскими слушателями. Видит ли он разницу? Я услышала ответ: для русских музыка — сама жизнь, для немцев — лишь аксессуар к жизни. Не характерен ли этот ответ и для разницы восприятия литературы?

**«Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова... Раскрывая ребенку богатство родного слова, мы раскрываем ему богатство его собственной души»**

К. Ушинский